

Глава 11: Разлука (Часть 1)

Золотой гусь спикировал с небес без единого звука. Он целился точно в спину Чэнь Гэ, намереваясь пронзить его насквозь своим острым, как кинжал, клювом. Но под ярким солнцем ни одна тень не могла укрыться: огромные крылья птицы бросили на землю две длинные мрачные полосы.

Чэнь Гэ едва заметно нахмурился — он почувствовал опасность раньше, чем осознал её. Нажать на спуск арбалета он уже не успевал. Повинуясь инстинкту, юноша резко крутанулся на месте, встречая птицу лицом к лицу, и в последний миг рухнул назад, выгибаясь в акробатическом мостике.

Хищник пронёсся в считанных волосках от его живота. Острые, как бритвы, перья всё же зацепили кожу, оставив несколько глубоких багровых полос, после чего гусь взмыл вверх, оставляя в воздухе след из тёмных капель крови.

Чэнь Гэ потерял живот и победно ухмыльнулся. Вдалеке золотая птица, тщетно пытаясь удержать равновесие, начала заваливаться на бок. Юноша помахал ей зажатым в кулаке обломком стрелы. Наконечника на ней не было — его оторвало с мясом.

В тот миг, когда гусь пролетал над ним, Чэнь Гэ из последних сил вскинул стрелу и вспорол твари брюхо — прямо по шву, где гнилая плоть срасталась с живой. Наконечник так и остался где-то в недрах птичьих внутренностей.

Живучесть этого существа поражала. Сначала Чэнь Гэ пробил ему шею пальцами, потом едва не задушил коленями в небе, а теперь ещё и выпотрошил — и всё же гусь не сдох.

Тварь рухнула на землю, яростно сверкая на торжествующего Чэнь Гэ своим единственным зрячим глазом. Красная пелена сошла с её зрачка, и правый бок, охваченный порчей, на глазах начал возвращать себе прежний вид. Наконец, птица с трудом захлопала крыльями и взлетела. Золотые перья осыпались дождём, оставляя в небе сверкающий шлейф. Схватив в клюв труп женщины в пурпурном, гусь собрал последние остатки сил и скрылся за облаками.

У Чэнь Гэ не осталось ни одной стрелы, а лезвие его алебарды давно зазубрилось. Оружия не было — пришлось дать врагу уйти.

«Животные, которыми помыкают люди... Наверное, они тоже страдают. Есть ли у них чувства? Страх, гнев, радость или печаль?» — Чэнь Гэ задумался. Есть ли у них мысли? Среди них есть и мудрые, и глупые — значит, должно быть и подобие разума.

Внезапно на него накатила щемящая тоска по матери, Чэнь Цинъи. Она всегда твердила, что и у людей, и у животных эмоции и мысли — лишь результат взаимодействия скопления частиц.

В детстве Чэнь Гэ изводил её расспросами, пытаясь спорить. Мать же наставляла его строго:

— У человека нет души. Не трать время и силы на вещи, которые невозможно доказать экспериментально.

Но Чэнь Гэ был упрям:

— Почему нельзя доказать?

Чэнь Цинъи, листая пухлый научный труд и делая пометки в блокноте, рассеянно бросила:

— И как ты это проверишь? С помощью бодхисаттвы Лоне-лопо, которую ты видел во сне вчера, или с помощью Киану Ривза, который приснился тебе в прошлом месяце?

— Мам, они вообще из разных миров! — возмутился маленький Чэнь Гэ.

— Нет никаких миров, есть только материя, — отрезала она. — Их тела давно разложились и стали удобрением для земли. В чём разница?

Чэнь Гэ задрал подбородок, стараясь встретиться с ней взглядом:

— А как же эксперимент с двумя щелями? Когда мы не наблюдаем за частицами, они ведут себя иначе! Мир проявляется таким, каким мы его видим, только когда есть наблюдатель... Это значит... это значит... — Мальчик запыхался, едва не задохнувшись от собственного пыла. — Это значит, что мир — это отражение душ всех живых существ. Это «совокупная карма», понимаешь? Поэтому мы все видим одни и те же горы и реки... Мама! Не подсматривай в мои записи!

Чэнь Цинъи, окончательно потеряв терпение, ворвалась в комнату сына. Её взгляд упал на цветастую книгу, спрятанную под подушкой.

Хлоп!

Увесистый том «Абидхармакоши» прилетел точно в лицо Цзянь Чжэньхуну, сбив с него VR-очки.

— Ты что подсовываешь сыну?! — рявкнула она.

Отец, только что азартно размахивавший руками в виртуальной реальности, не сразу вернулся в сознание. Первым делом он схватил Чэнь Цинъи за... грудь.

— Моя принцесса? — пробормотал он.

— Цзянь! Чжэнь! Хун!

— Да я только картинку показал! Он же читать-то почти... Я... мне завтра на совещании выступать, господин полковник! Я осознал, виноват!

В тот день офицер Цзянь Чжэньхун получил по кумполу, после чего был отправлен в политехнический музей с младшим сыном на плечах.

— Будем принимать научное «промывание мозгов»... ой, то есть крещение, сынок. Научное крещение.

— Крести меня, папа, — хихикал Чэнь Гэ.

— Кре-ще-ние! Смотри внимательно. Вернёмся домой — и папа официально передаст тебе своего таурена-друида. Будешь продолжать моё дело в Варкрафте.

Чэнь Гэ кивнул, мало что понимая:

— Крещ-меня.

Сейчас, стоя посреди древних руин, юноша понимал: назад пути нет. По крайней мере, его нынешнего интеллекта точно не хватит, чтобы изобрести машину времени.

Он вздохнул, опустив голову, и вдруг заметил на земле яркий вышитый мешочек. Видимо, обронила та женщина в пурпурном. Любопытство пересилило осторожность. Чэнь Гэ подбежал, поднял трофей и заглянул внутрь. В нос ударил божественный аромат.

«Копчёное мясо?» — точь-в-точь как дома.

Чэнь Гэ съел маленький кусочек. Ему показалось, что он не пробовал ничего подобного целую вечность. Вкус соли и аромат апельсиновой цедры придали вяленому мясу особый, неповторимый вкус. Слово получив заряд чистой энергии, юноша припустил к месту сражения.

Без присмотра женщины в пурпурном мертвецы стали ещё яростнее. Теперь ими не управлял чужой разум — ими двигал лишь чистый вирус. В эпоху Чэнь Гэ учёные держали скорость распространения этой заразы под строгим контролем, но здесь всё было иначе.

Спрятав мешочек в карман, он подобрал тяжёлый тесак для колки дров. Оружие было

неудобным, но выбирать не приходилось.

Мгновение назад он облизывался, сглатывая слюну от вкуса мяса.

Мгновение спустя он уже летел в самую гущу боя.

Раздался гулкий удар. Чэнь Гэ с размаху пнул огромный глиняный чан для воды. Сосуд врезался в толпу мертвецов, отшвырнув их на несколько метров. Осколки вперемешку с гнилыми конечностями разлетелись во все стороны.

В правой руке он сжимал тесак, а в левой — невесть где подобранную старую чугунную сковороду вместо щита. Лезвие тесака было тупым, но с силой и глазомером Чэнь Гэ сносить головы мертвецам было не сложнее, чем рубить капусту.

— Ли Хун! — крикнул он.

Прикрывшись сковородой, юноша прижался плечом к Ли Хуну, создавая заслон. Ожившие трупы один за другим бились о чугунное дно. Грохот стоял такой, что у обоих заложило уши.

Ли Хун, чьё напряжение мгновенно сменилось раздражением, рявкнул:

— Оглохнуть хочешь?! Убери свою посудину!

Но Чэнь Гэ не отступал. Они стояли плечом к плечу — нерушимая преграда на пути легиона смерти.

— Ты ранен! — прокричал Чэнь Гэ. — Не вздумай касаться их крови. Берегись!

Юноша резко развернулся на пятке, используя инерцию, и нанёс мощный горизонтальный удар тесаком. Движение было безупречным, полным сокрушительной силы... вот только Чэнь Гэ забыл, что тесак втрое короче его привычного меча. Он рассёк лишь воздух, не задев ни одного волоска на голове ближайшего мертвеца.

Ли Хун, коротким и точным ударом ноги отправив монстра в полет, расхохотался:

— Ранен? Беречься?

В пылу сражения он потерял костяную шпильку, и теперь его длинные волосы разметались по плечам. Лицо было забрызгано кровью, над бровью алел глубокий порез. Он повернулся к Чэнь Гэ с дерзкой, почти вызывающей усмешкой. Его голос звучал хрипло, с долей иронии:

— Кому из нас тут надо беречься, а?

У Чэнь Гэ перехватило дыхание. Сердце предательски пропустило удар, а затем зачастило, как пулемётная очередь. Краска залила его лицо до самых кончиков ушей.

Ли Хун, заметив его замешательство, довольно ухмыльнулся. Улучив момент, он поддел ногой сковороду в руках Чэнь Гэ. Та взлетела, перевернулась в воздухе и гулко накрыла голову юноши. Ли Хун тут же трижды звонко ударил по донцу древком алебарды.

Чэнь Гэ сорвал с головы импровизированный шлем и зажал уши руками:

— С ума сошёл?! Я же оглох!

— Когда всё закончится, — Ли Хун снова бросился в бой, не оборачиваясь, — пообещай мне кое-что!

Чэнь Гэ всё ещё тряс головой, пытаясь избавиться от звона:

— Что ты сказал? Ладно, ладно, по рукам!

Ли Хун лишь коротко хмыкнул про себя.

К вечеру битва затихла. Развороченная шахта теперь напоминала огромный общий котел, в котором вперемешку лежали тела и обломки.

Наступила глубокая осень. Трава пожухла, закатное солнце окрасило небо в багрянец. Вокруг высились суровые, чёрные, как тушь, хребты. После яростной схватки мир погрузился в абсолютную, почти первозданную тишину. Лишь сухой ветер шелестел в бурьяне, напоминая треск далёкого пожара.

Ли Хун и Янь Чуань вымотались до предела — они едва могли поднять руки. Чэнь Гэ, хоть и мало смыслил в военном деле, взял на себя все заботы по распоряжению Ли Хуна: пересчёт людей, помощь раненым, распределение припасов.

Закончить удалось только за полночь. Чэнь Гэ, шатаясь от усталости, притащил котел с горячим варевом к скале, где устроились его спутники.

— Осторожно, кипяток! — он дважды легонько пнул спящего Ли Хуна. — Подъём, пора жрать. Будете дрыхнуть — вылью прямо на голову.

Ли Хун вскочил мгновенно, привычно нащупав зазубренную алебарду.

— Стой! Свои! — крикнул Чэнь Гэ. — Совсем рассудок потерял?

Ли Хун обжёгся ночным воздухом и пришёл в себя. Забрав котел у юноши, он тем же манером растолкал Янь Чуаня.

— Ты... — проворчал Ли Хун, глядя на Чэнь Гэ. — Что за манеры?

Звёздный мост Млечного Пути раскинулся над ними во всём своём величии. Сидя вокруг котла, они ели простое мясо без соли и приправ. Чэнь Гэ аппетита не чувствовал — он замороженно смотрел в небо. Гигантская сияющая туманность на западе всё ещё медленно перетекала своими призрачными краями.

Ли Хун проследил за его взглядом, не переставая жевать:

— Созвездие Жилища показалось. Пора чинить крыши и готовиться к зиме.

Чэнь Гэ вздрогнул от неожиданности:

— О чём ты?

Янь Чуань улыбнулся:

— Да, пора домой. Ты ведь смотришь на звёзды? Созвездия Жилища и Стены — четыре яркие звезды на востоке и западе, образующие ровный квадрат. К концу осени, когда небо тускнеет, они сияют ярче всех.

Чэнь Гэ замялся:

— Вы про Пегас? Но я вижу другое. Там, на западе — огромная туманность. Она похожа на паутину или на распускающийся цветок.

Ли Хун недовольно буркнул:

— Не носи чепухи. Простому смертному такое не увидеть...

— Да что с тобой такое?! — вскипел Чэнь Гэ. — Ты последние дни постоянно не договариваешь. В чём дело?

— На западе великой пустыни есть гора Линшань, — мягко произнёс Янь Чуань. — Там десять шаманов служат духам.

Чэнь Гэ усмехнулся:

— Это не гора, брат Чуань. Я вижу туманность. Скопление газа и пыли.

Ли Хун едва не поперхнулся:

— Ты хоть одну книгу в жизни прочёл? Это Врата Яшмы, куда уходят солнце и луна! Линшань — гора, связующая небо и землю. Она не имеет плоти, но там шаманы хранят снадобье бессмертия. Это вершина мира, где рождаются и умирают души.

Чэнь Гэ ощутил то же бессилие, что когда-то испытывала его мать в спорах с ним. Он пожал плечами:

— Я знаю, это из «Шань Хай Цзин». Сказки. Реинкарнация? Никто ещё не доказал, что души возвращаются.

Ли Хун, окончательно потеряв терпение, вспыхнул:

— О Линшань и звёздном море в Поднебесной знают даже дети! Вернёмся в город, я найду тебе книги. Если там этого нет, я... я этот котел проглочу!

— А я два проглочу! — парировал Чэнь Гэ. — Всё равно не сдохну.

Янь Чуань примирительно рассмеялся:

— Хватит вам. Стоит вам сойтись, как вы оба превращаетесь в мальчишек.

— Ты просто какой-то лесной оборотень, — проворчал Ли Хун.

— О боги! Зачем я пытаюсь обсуждать науку с древним болваном? — Чэнь Гэ демонстративно закатил глаза. Достав из кармана мешочек, он выудил ломтик мяса и с хрустом принялся жевать. — Смотрите, это вяленая свинина. Настоящая.

Ли Хун только вздохнул:

— Вечно ты тащишь в рот всякую дрянь. Где у тебя осторожность?

— Давайте о деле, — предложил Янь Чуань.

Чэнь Гэ посерьёзnel.

— Я посчитал людей. Было девять тысяч, три тысячи угнали циньцы. Осталось шесть тысяч. Тысяча — это старики, женщины и дети, окрестные беженцы, которых заставляли работать. Две тысячи — воины Чжао, захваченные в плен в местах, названий которых я не помню. Тяжелораненых — семьсот человек, легкораненых — девятьсот. Мы захватили обоз Цинь, еды хватит дня на четыре-пять. Ещё есть сотня единиц оружия.

— Спасибо, — тихо сказал Ли Хун.

— За что? — горько усмехнулся Чэнь Гэ. — Радоваться нечему, всё это слишком жестоко. Я разделил их на отряды по сто человек, раздал еду. Больше я ничем помочь не могу.

— Ты отлично справился, — заметил Янь Чуань. — Твой отец был генералом в Царстве Чу? Видно, что кровь не водица.

Чэнь Гэ нахмурился.

— Моя семья из Таюяня, отец вырос в Сянси... Так что, можно сказать, и так. Но вы меня вряд ли поймёте. Всё это так странно. Там, в бою... мне на миг показалось, что Ли Хун очень похож на моего отца. Я так по нему скучаю. Кстати, о чём ты просил меня? О каком деле?

Ли Хун словно поперхнулся, услышав сравнение с отцом. Он быстро покачал головой:

— Да так, к слову пришлось. Забудь. Что думаешь делать дальше?

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Чэнь Гэ.

— Завтра выступаем к городу, — ответил Ли Хун. — Если бы я не видел всё это своими глазами, никогда бы не поверил. Не знаю, как буду отчитываться. Три тысячи свидетелей... Если слухи о мертвецах поползут дальше, начнётся паника.

— Те люди в пурпурном могут быть из Царства Чу, — добавил Чэнь Гэ. — Это мясо — их местный деликатес.

— Цинь и Чу заключили союз? — нахмурился Янь Чуань.

— Не факт. В Царстве Чу и так бардак. — Чэнь Гэ осёкся, поняв, что его знания истории здесь могут не работать. — Может, они из Шу? Ну, из тех земель, что западнее Цинь и Чу. Я видел их маски — они точь-в-точь как те, что находили в Саньсиндуге.

— Что ещё ты знаешь? — впился в него взглядом Ли Хун.

— Это лишь догадки. Во-первых, люди в пурпурном — мастера по части ядов и гу. Они внедрили вирус в тех золотых птиц и нашли способ управлять мертвецами через насекомых. Во-вторых, Цинь либо сотрудничает с ними, либо уже захватила земли Шу. В-третьих, они пытаются создать армию нежити, чтобы сокрушить другие царства.

Ли Хун помолчал, а потом спросил:

— Откуда тебе так много известно об этих тварях?

— Я не скрываю специально... просто сам ещё не до конца разобрался.

Ли Хун хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он привык считать этого мальчишку просто нагловатым, но миловидным аристократом в изгнании, которого можно было бы просто приютить. Но за эти дни, пройдя через огонь и смерть, он понял: Чэнь Гэ — не тот, кем кажется.

Видя, как мучается Ли Хун, за него договорил Янь Чуань:

— Пойдём с нами в город. С твоими талантами ты быстро добьёшься чинов в армии.

Ли Хун заметно расслабился, хоть и не смотрел на юношу. Чэнь Гэ покачал головой:

— Спасибо за доброту, но я с детства зарёкся идти в солдаты. У меня слишком много причуд, и я не из тех, кто любит жертвовать собой ради великих целей.

— У каждого свой путь, — понимающе улыбнулся Янь Чуань.

— Сейчас меня больше всего заботит брат. Я не знаю, где он, но если я продолжу идти по следу мертвецов, мы обязательно встретимся. Боюсь только... боюсь, он решит, что я не выжил. Что он... откажется от меня.

В глазах старшего брата Чэнь Гэ всегда оставался слабым и бесполезным домоседом.

— Он тебя не бросит, — уверенно произнёс Ли Хун. — Я всё вспоминаю нашу первую встречу. Там был человек в белых одеждах, таких же, как на тебе. Он сражался как демон, но выглядел совершенно потерянным.словно бесценное сокровище утратил. Он лез в самое пекло, под клинки циньцев, лишь бы найти кого-то. Кто ещё, кроме брата, стал бы так рисковать ради такого несносного типа, как ты?

Настроение Чэнь Гэ переменчиво, как погода. Услышав это, он мгновенно просиял.

— Вот видишь! Можешь же говорить по-человечески. Я пойду в Цинь, в Сяньян! Я чувствую, что брат ищет меня именно там.

Ли Хун лишь хмыкнул:

— Сказал как отрезал. И как ты пойдёшь? Где возьмёшь бумаги, подорожную? Ты же и направления-то не смыслишь. Такой изнеженный... Да ты через первый же хребет не перевалишь. Тебя либо волки сожрут, либо на невольничьем рынке продадут раньше, чем ты границы достигнешь!

С каждым словом Ли Хуна решимость Чэнь Гэ таяла. Слова про «изнеженность» и «невольничий рынок» попали в цель. Он вспомнил, что он всего лишь подросток, который никогда не путешествовал один, и на него разом навалилась вся тяжесть последних дней. Слезы брызнули из глаз, и Чэнь Гэ, не выдержав, громко разрыдался от жалости к самому себе.

Ли Хун, добившись своего, с чувством выполненного долга завалился спать и тут же захрапел.

Утешать его было некому. Погоревав немного, Чэнь Гэ вытер слёзы и примостился рядом с Ли Хуном. Тот, не просыпаясь, по-хозяйски сгрёб его в охапку и уткнулся подбородком в макушку.

<http://bllate.org/book/17509/1657129>